

БОРЬБА РУРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ ОККУПАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЗМЕНЫ МАГНАТОВ РУРА В 1923 ГОДУ

Н. В. Фарбман

Борьба рурского и всего немецкого пролетариата за национальный суверенитет и единство своей страны в 1923 г., в период первой оккупации Рура французскими империалистами, составляет одну из наиболее ярких страниц новейшей истории Германии. Изучение рурских событий представляет тем больший интерес, что они слабо освещены в исторической литературе. В буржуазной литературе дано антинаучное, фальсифицированное изображение этих событий¹. Прогрессивные немецкие историки дали правдивое, но пока лишь отрывочное, неполное освещение некоторых сторон борьбы рурского пролетариата в 1923 году².

Первостепенное значение для научного исследования истории рабочего движения в Руре имеют такие источники, как работы Э. Тельмана, В. Пика, В. Ульбрихта, Ф. Геккерта³.

В советской исторической литературе пока нет работ, специально посвященных исследованию борьбы германского пролетариата за единство и национальную независимость Германии в 1923 году. Освещены лишь некоторые стороны событий; рабочее движение не анализируется в аспекте национально-освободительной борьбы⁴.

Современное внутреннее и международное положение Германии существенно отличается от положения 1923 г., но и ныне, как отмечает центральный орган Коммунистической партии Германии газета «Freies Volk», «ведется та же борьба, что и тридцать лет назад: за единство и незави-

¹ См., например, R. Cuno. Der Kampf um die Ruhr. Leipzig. 1923; R. Pinon. La bataille de la Ruhr 1923. Paris. 1924; H. Spethmann. Zwölf Jahre Ruhrbergbau. Bd. I—V. Berlin. 1928—1930; P. Wentzcke. Ruhrkampf. Bd. I—II. Berlin. 1930—1932; W. Görlich. Gustav Stresemann. Heidelberg. 1947 и др.

² См. А. Норден. Уроки германской истории. М. 1948; его же. Во имя нации. М. 1953; К. Fugger. Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. Berlin. 1949; F. Klein. Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1923. Berlin. 1952; J. Реск. Dr. Konrad Adenauer (1917—1952). Berlin. 1952.

³ См. Ф. Геккерт. Германия в октябре 1923 года. Журнал «Коммунистический Интернационал», 1934, № 5; Э. Тельман. Боевые речи и статьи. М. 1935; W. Реск. Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Berlin. 1949. Особо следует отметить статью В. Ульбрихта, участника и очевидца событий 1923 г. в Германии, «Die Nachkriegskrise in Deutschland und die Ereignisse des Jahres 1923», опубликованную в №№ 4 и 5 журнала «Einheit» за 1953 г., в книге W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Aus Reden und Aufsätzen. Bd. I. 1918—1933. Berlin. 1953, и с некоторыми сокращениями в № 5 журнала «Вопросы истории» за 1954 год. (Вальтер Ульбрихт. Послевоенный кризис в Германии и события 1923 года.)

⁴ См. С. Д. Мстиславский. Классовая война в Германии. М. 1924; А. Панкратова. Фабзавкомы в германской революции 1918—1923. М. 1924; Е. Рубинштейн. Германская социал-демократия и революция 1923 года. Журнал «Борьба классов», 1932, №№ 9—10, 11—12, 1933, № 1; М. А. Брагинский. Рурские магнаты и «пассивное сопротивление» в 1923 г. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. 1951. Т. VIII. № 4 и др.

симось Германии»⁵. Изучая рурские события 1923 г., можно яснее увидеть истинных патриотов и друзей Германии, лучше распознать ее врагов.

Наша статья представляет собой попытку специально рассмотреть события этого времени в Рурской области, истинное значение которых может быть понято, однако, лишь с учетом общего хода борьбы пролетариата всей Германии. Борьба рурского пролетариата была вызвана не только оккупацией Рура: она возникла на основе революционного подъема во всей Германии и была его составной частью.

Первая мировая война и империалистический Версальский мир не ослабили противоречий между капиталистическими державами. Наоборот, эти противоречия (как и все противоречия капитализма в период его общего кризиса) углубились, породив угрозу новых войн. Усилились, в частности, противоречия между Францией и Германией. Германские империалисты готовились к реваншистской войне, французские же старались утвердить свое неограниченное господство в Западной Европе. План подготовлявшейся французским империализмом оккупации Рура фактически «был рассчитан на создание материальной базы для военной и экономической гегемонии Франции в Европе»⁶.

Германское правительство Куно, пришедшее к власти в ноябре 1922 г., и германские монополисты, напуганные революционными выступлениями рурского пролетариата в 1918—1920 гг. и признаками нового революционного подъема⁷, были склонны вопреки национальным интересам Германии допустить оккупацию Рура и использовать оккупационную армию для подавления революционного движения в Германии. Провоцируя посредством саботажа репарационных поставок оккупацию Рура, германские угольно-металлургические магнаты рассчитывали и на обострение отношений между Англией и США, с одной стороны, и Францией — с другой, на поддержку своих реваншистских устремлений англо-американскими империалистами. Правящие круги Англии и США, в свою очередь, содействовали разжиганию рурского конфликта. Только Советская Россия выступила против подготовлявшейся оккупации Рура и угрозы новой империалистической войны⁸.

Провоцируя оккупацию Рура, германская монополистическая буржуазия одновременно готовила сделку с французским империализмом. Инициатива в этом принадлежала рурским магнатам. Так, Г. Стиннес вел в декабре 1922 г. переговоры с французскими капиталистами о создании рурско-лотаринского угольно-металлургического синдиката⁹. Снова подтверждались слова В. И. Ленина, что, «когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»¹⁰.

В обстановке сгущавшейся угрозы оккупации Рура рабочий класс Германии и его авангард — коммунистическая партия — видели свою задачу в том, чтобы разоблачить антипатриотические махинации герман-

⁵ «Freies Volk», 23 октября 1953 года.

⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 287.

⁷ Летом 1922 г. в Руре бастовало около половины всех рабочих. Крупная стачка на заводах Круппа в Эссене в октябре и стачка 100 тыс. металлургов Дюссельдорфа в ноябре 1922 г. показали рост революционной активности пролетариата и его стремление к единству действий.

⁸ См. «Обращение X Всероссийского съезда Советов ко всем народам мира» («Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М. 1939, стр. 273—274).

⁹ Сделка, однако, не состоялась, так как французские монополисты требовали 60% акций планируемого синдиката, а рурские магнаты соглашались предоставить лишь 50%.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 9.

ской буржуазии и возглавить немецкий народ в борьбе за единство и национальную независимость Германии. Особо важная роль выпадала на долю рурского пролетариата, ходом событий выдвинутого на передовые позиции развертывавшейся борьбы.

В борьбе против угрозы оккупации Рура немецкий пролетариат был поддержан международным рабочим классом, в первую очередь французским. Состоявшаяся в августе 1922 г. в Кельне конференция представителей коммунистических партий Германии и Франции решительно осудила подготовлявшуюся империалистами оккупацию Рура. В воззвании Коммунистической партии Франции от 27 декабря 1922 г. говорилось: «Оккупация Рура — это преступление против французского и германского пролетариата... Долой оккупацию Рура! Да здравствует германский пролетариат!»¹¹. Коммунистическая партия Франции организовывала собрания и митинги трудящихся, разоблачала захватнический, империалистический характер оккупации Рура, призывала французский народ не допустить готовившейся агрессии. На крупнейшем митинге в Париже 3 января 1923 г. выступили М. Кашен и Г. Монмуссо, призвавшие в своих речах к борьбе против оккупации Рура, к укреплению братской солидарности французских и немецких рабочих¹². 6—7 января в Эссене состоялась созванная по инициативе коммунистов Рура международная конференция рабочих¹³, посвященная борьбе против угрозы оккупации Рура и империалистической войны. Конференция призвала рабочих Европы к совместным действиям против угрозы оккупации Рура и нацелила немецкий пролетариат на борьбу как против французских, так и против германских капиталистов¹⁴. 7 и 8 января в Гельзенкирхене, Дуисбурге, Гамборне, Эссене и других городах под руководством коммунистов состоялись массовые митинги и демонстрации рабочих, протестовавших против угрозы оккупации Рура.

В борьбе пролетариев Рура против угрозы французской оккупации, как и в защите ими своих жизненных прав от натиска германского капитала, устанавливалось единство действий рабочего класса. Это создавало реальную возможность развернуть на базе единого рабочего фронта могучее патриотическое движение в защиту национальной независимости Германии. В ноябре 1922 г. Коммунистическая партия Германии обратилась к руководству социал-демократической партии (СПГ) с предложением установить единство действий. Но социал-демократические лидеры отвергли это предложение и усилили призывы к «гражданскому миру» и «национальному единению» вокруг антинационального правительства Куно. Накануне французского вторжения в Рур Центральный Комитет Коммунистической партии Германии вновь обратился к руководству СПГ и АДГБ (Всегерманское объединение профсоюзов) с предложением провести всеобщую стачку против угрозы оккупации Рура. Но и это предложение было отвергнуто социал-демократическими и профсоюзными лидерами. Они сорвали стихийно возникавшее в этой борьбе единство рабочего класса и содействовали тем самым развязыванию рурского конфликта.

Вооруженное вторжение в Рурскую область, охарактеризованное И. В. Сталиным как «лобовая империалистическая атака на Рур»¹⁵, началось вступлением французских и бельгийских войск в Эссен 11 января

¹¹ «L'Humanité», 27 декабря 1922 года.

¹² «L'Humanité», 4 января 1923 года.

¹³ В ней участвовали представители коммунистических партий и революционных профсоюзов Германии, Франции, Бельгии, Англии, Италии, Чехословакии и Голландии.

¹⁴ «Internationale Presse-Korrespondenz», Sonder-Nummer, № 5, 8 января 1923 г., стр. 35.

¹⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 281.

1923 года¹⁶. К началу февраля почти вся Рурская область оказалась под пятой оккупантов. Экономические связи Рура с остальной Германией были почти полностью прерваны. Находившаяся в руках французского капитала так называемая «Международная комиссия по контролю над металлургическими заводами и шахтами» (сокращенно «Микум») взяла под контроль добычу угля, производство кокса и металла в оккупированных районах. Введенное оккупантами осадное положение и репрессии были направлены против пролетариата. Французские войска получили приказ стрелять в случае скопления на улице более 200 человек.

Советский Союз заявил решительный протест против оккупации Рура¹⁷. Этот шаг молодой социалистической державы был одним из проявлений традиционной помощи СССР немецкому народу в борьбе за единство и независимость Германии¹⁸. Отношение к оккупации Рура английско-американского правительств, надеявшихся извлечь выгоду из рурского конфликта, в корне отличалось от позиции Советского Союза. Американский президент Гардинг распорядился 10 января 1923 г. вывести из всей Рейнской области американские войска. При этом, как признает Аллен, «предпринимались усилия, чтобы не создавать впечатления, будто отзыв войск является осуждением французской политики». Государственный секретарь США Юз заявил французскому послу в Вашингтоне Жюссерану, что отзыв американских войск не должен бросать тень на дружественность американско-французских отношений¹⁹. Вывод американских войск из Рейнской области поощрял, таким образом, захватнические действия французского империализма и предоставлял ему свободу действий в Руре²⁰. Французские оккупационные власти распространяли в Руре листовку, в которой говорилось, что американцы одобряют франко-бельгийские действия.

Правительство Куно ответило на оккупацию Рура отзывом своих дипломатических представителей из Парижа и Брюсселя и прекращением поставок угля и кокса во Францию и Бельгию. Объявив кампанию «пассивного сопротивления», оно призвало население Рура не выполнять распоряжений оккупационных властей. Началась так называемая «рурская война». Германские монополисты заботились в этой «войне» не о защите национальных интересов Германии, а о том, чтобы выторговать у французского капитала более выгодные условия сделки, чем те, которые были предложены Стайнесу при переговорах о создании рурско-лотарингского угольно-металлургического синдиката²¹. Грязные, своекорыстные цели, которые преследовала германская буржуазия, провозглашая «пассивное сопротивление», маскировались разнузданной националистической демагогией и призывами к «национальному единению» вокруг правительства Куно. Стайнесовская «Deutsche Allgemeine Zeitung» сравнивала оккупацию Рура (в провоцировании которой эта газета принимала немалое участие) не более и не менее, как с... нашествием Наполеона на Россию²².

¹⁶ Общая численность оккупационных войск составляла вначале 87 тыс. чел. (80 тыс. французов и 7 тыс. бельгийцев), а в марте 1923 г. достигла 105 тыс. См. Р. Сипо. Указ. соч., стр. 204; «Материалы по рурскому вопросу (история франко-бельгийской оккупации германских областей и ее последствия)». М. 1923, стр. 114.

¹⁷ См. Обращение ВЦИК к народам всего мира в связи с оккупацией Францией Рурской области. «Известия», 14 января 1923 года.

¹⁸ Именно так и рассматривают передовые силы современной Германии советскую политику в период оккупации Рура. «См. «Einheit», Heft 11, ноябрь 1923, S. 1302. См. Henry T. Allen. Mein Rheinland-Tagebuch. 1923, S. 329, 332, 334.

¹⁹ Нельзя согласиться с М. А. Брагинским, оценивающим этот расчетливый шаг американского империализма как «демонстративный жест, направленный против французской политики в Руре» (см. М. А. Брагинский. Указ. соч., стр. 351).

²¹ Центральный орган КПГ отмечал спустя 10 лет после «рурской войны», что она велась германской буржуазией «не во имя интересов нации, а во имя 10 процентов прибыли». «Die Rote Fahne», 8 января 1933 года.

²² «Deutsche Allgemeine Zeitung», 18 января 1923 года.

Газеты монополистов старались вовлечь массы в империалистический рурский конфликт под знаменем буржуазного национализма.

В связи с угрозой вторжения французских оккупантов в Рур Коммунистическая партия Германии вновь обратилась ко всем трудящимся, к СПГ и реформистским профсоюзам с предложением создать единый рабочий фронт борьбы. Отметив, что правительство Куно повинно в оккупации Рура не меньше, чем правительство Пуанкаре, коммунистическая партия предложила провести в Германии всеобщую стачку с тем, чтобы: 1) дать отпор оккупации Рура, 2) призвать на помощь рабочих стран Антанты, 3) переложить бремя репараций на имущие классы, 4) заменить правительство Куно рабочим правительством²³. Но правые социал-демократические лидеры отклонили это предложение.

Пролетарии Рура восприняли оккупацию как прямое посягательство французских империалистов на целостность и национальную независимость Германии. Поднявшись на борьбу против оккупантов и участвуя в кампании «пассивного сопротивления», они руководствовались истинно патриотическими чувствами. Значительная часть рабочих, однако, не поняв империалистической сущности рурского конфликта, опутанная ложью и националистической демагогией буржуазии, выступила на первых порах против французских захватчиков с позиций классового мира со «своей» — немецкой — буржуазией. Это проявилось, в частности, в посылке делегаций фабрично-заводских комитетов (так называемых «комиссий освобождения») к командующему французскими оккупационными войсками генералу Дегутту с ходатайством об освобождении шести крупных шахтовладельцев (в том числе и Тиссена), арестованных оккупационными властями в январе 1923 г. за отказ от поставок угля и кокса. В Майнце, где французский военный суд разбирал дело арестованных шахтовладельцев, по настоянию реформистских вождей прибыли рабочие делегации из оккупированных областей. Хотя приговор суда был чрезвычайно мягким, буржуазная пресса провозгласила осужденных «национальными героями»²⁴.

Несмотря на все старания, германской буржуазии не удалось надолго удержать рурских рабочих под действием националистического дурмана. Уже в конце февраля — начале марта 1923 г. обнаружались признаки массового перехода рурского пролетариата к борьбе на два фронта: против иноземных и против «своих» угнетателей. Переход этот был подготовлен коммунистической партией, с самого начала оккупации Рура разоблачавшей антинациональные замыслы буржуазии. В первый день оккупации Рурского бассейна берлинская организация Коммунистической партии Германии провела многотысячный митинг под лозунгом «Долой буржуазию по ту и по эту сторону Рейна! Да здравствует объединенный немецкий и французский пролетариат!»²⁵. 22 января компартия выдвинула лозунг «Бейте Куно и Пуанкаре и на Руре и на Шпрее!», проникнутый духом пролетарского интернационализма и подлинного патриотизма. Клара Цеткин в большой статье «За отечество»²⁶, полной едкого сарказма, разоблачала антинародную сущность буржуазно-националистической демагогии. С трибуны рейхстага К. Цеткин призвала народ «с одинаковой силой и энергией вести борьбу против французского империализма и его сообщника — германского капитализма»²⁷. Видную роль в борьбе против националистической кампании бур-

²³ «Die Rote Fahne», 11 января 1923 года.

²⁴ Промышленники отделались ничтожными денежными штрафами (Тиссен, например, — штрафом в 5 100 франков). Иронизируя по этому поводу, «Die Rote Fahne» 26 января 1923 года писала: «Герои по 5 000 франков за штуку!».

²⁵ «Die Rote Fahne», 12 января 1923 года.

²⁶ «Die Rote Fahne», 21 января 1923 года. Beilage I.

²⁷ C. Zetkin. Gegen Poincaré und Cuno. Berlin. 1923, S. 13.

жуазии сыграл В. Пик. Им были составлены листовки для распространения среди солдат рейхсвера и в отрядах полиции «шупо»²⁸.

Рурский конфликт, разгоревшийся в условиях общего кризиса капитализма и сам являвшийся одним из его проявлений, стал исходным пунктом больших классовых столкновений в Германии. Коммунистическая партия призвала использовать создавшуюся обстановку, чтобы развернуть борьбу за национальное и социальное освобождение немецкого народа. Поднимая массы на борьбу в связи с событиями в Руре, немецкие коммунисты руководствовались советом, высказанным В. И. Лениным еще в 1920 г.: «...найти, нащупать, верно определить конкретный путь или особый поворот событий, подводящий массы к настоящей, решительной, последней великой революционной борьбе...»²⁹. Выполнению этой задачи препятствовали правооппортунистические установки брандлеровского руководства ЦК КПГ. Лейпцигский съезд партии (28 января — 1 февраля 1923 г.) под влиянием брандлеровцев даже не включил рурский вопрос в повестку дня, ограничившись заслушанием краткой информации о положении в Руре³⁰. Вскрывая принципиальное различие между революционным крылом КПГ и брандлеровцами в оценке самого факта оккупации Рура, Э. Тельман говорил: «Мы требовали, чтобы первым пунктом порядка дня был поставлен вопрос о рурской оккупации — об обострении революционного кризиса в Германии. Но большинство Лейпцигского партийного съезда заявило, что хотя, конечно, оккупация является важным событием, но все же не следует обсуждать в первую очередь именно это событие; большинство хотело обойти те выводы, которые должна была сделать партия из рурской оккупации»³¹. По настоянию возглавлявшегося Э. Тельманом революционного крыла Лейпцигский съезд принял все же манифест, призывавший трудящихся Германии к борьбе на два фронта: против французских и против германских капиталистов³². КПГ удалось, преодолевая сопротивление брандлеровцев, поднять рабочий класс на национально-освободительную борьбу, «превратить «пассивное сопротивление» в активную борьбу, направленную против немецкой и французской буржуазии»³³. Состоявшаяся 24 января 1923 г. в Эссене под руководством КПГ конференция фабрично-заводских комитетов металлургических и горных предприятий Рура выдвинула конкретные требования борьбы на два фронта³⁴ и решила отозвать всех рабочих из пресловутых «комиссий освобождения»³⁵. Во многих городах Рура коммунисты провели массовые собрания рабочих под лозунгом борьбы на два фронта. В Эссене на митинг собралось около 10 тыс., в Гельзенкирхене — около 8 тыс. человек. На митинге трудящихся в Дюссельдорфе с призывом к борьбе на два фронта выступил руководитель рурских коммунистов Вальтер Штёкер.

Борьба рурского рабочего класса против империалистической реак-

²⁸ В. Пик подвергся за это преследованиям. Комиссия прусского ландтага потребовала лишения В. Пика парламентской неприкосновенности и предания суду. См. «Die Rote Fahne», 4 марта 1923 года.

²⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 77.

³⁰ См. «Bericht über die Verhandlungen des III(8) Parteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands», Berlin, 1923, S. 229—231.

³¹ «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет. Ч. I. М.-Л. 1925, стр. 244.

³² «Bericht über die Verhandlungen des III(8) Parteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands», S. 397.

³³ Вальтер Ульбрихт. Послевоенный кризис в Германии и события 1923 года. «Вопросы истории», 1954, № 5, стр. 70.

³⁴ Конференция призвала к борьбе против национализма, за вывод оккупационных войск из Рура, за образование рабочего правительства, разоружение контрреволюционных банд и вооружение рабочих, за введение 6-часового рабочего дня для шахтеров, повышение заработной платы до довоенного уровня, немедленную выплату задбавки на дороговизну, за освобождение политзаключенных в Германии и во Франции.

³⁵ «Die Rote Fahne», 25 января 1923 года.

ции и войны приобрела большое международное значение и была поддержана международным пролетариатом. 15 января 1923 г. в Москве перед зданием Исполкома Коминтерна состоялся многоярусный митинг протеста против оккупации Рура³⁶. В конце января Всесоюзный центральный совет профсоюзов направил Всегерманскому совету фабрично-заводских комитетов 100 тыс. золотых рублей для оказания помощи рабочим Рура³⁷. Руку братской помощи протянула рурскому пролетариату Французская коммунистическая партия. Вскрывая империалистический характер рурского конфликта, «L'Humanité» оценивала оккупацию Рура как «заговор, организованный магнатами «Комите де форж» и Германии против рабочих Франции и Германии»³⁸. «Добивайтесь немедленного очищения Рурской области!»³⁹ — призывала она трудящихся Франции. Французские и немецкие коммунисты и комсомольцы плечом к плечу вели политическую работу среди оккупационных войск. Одним из ее результатов было дезертирство французских и бельгийских солдат из Рура.

Оккупационные власти обрушили жестокие репрессии на французских и немецких коммунистов⁴⁰. Не отставали от них и буржуазные правители Германии. Усилился антикоммунистический террор фашистских банд. Но все это не запугало коммунистическую партию. Самоотверженно и стойко она возглавляла развертывавшуюся борьбу против иностранных и внутренних врагов немецкого народа.

Дезорганизация германской экономики в результате «рурской войны» и быстро нараставшая инфляция были использованы германской буржуазией для финансовых афер и наступления на жизненный уровень трудящихся. «Рурские кредиты» (3,8 млрд. марок), предоставленные рурским промышленникам из государственной казны для своевременной выдачи заработной платы рабочим — участникам «пассивного сопротивления», фактически использовались для биржевых спекуляций. Еще более бесцеремонно рурские промышленники расхищали фонд «Помощь Руру», образованный преимущественно за счет отчислений из заработной платы рабочих и служащих. На фоне спекулятивного обогащения буржуазии еще резче проявлялось обнищание рабочих. Если в конце 1922 г. реальная заработная плата немецкого рабочего составляла 33% довоенной, то в феврале 1923 г. — всего 20—25%⁴¹. Росла безработица⁴². В особенно тяжелом положении оказались рабочие Рура, материальные лишения которых усугублялись произволом оккупантов. В марте 1923 г. центр тяжести «пассивного сопротивления» переместился с транспорта на горнопромышленные предприятия, и репрессии оккупантов (занятие предприятий войсками, конфискация угля и кокса, а также крупных денежных сумм, предназначенных для выдачи заработной платы, и т. п.) обрушились главным образом на сотни тысяч рурских горняков и металлургов.

В обстановке усилившегося двойного гнета пролетариат Рура разглядел скрывавшуюся под маской «национального единения» зловую и

³⁶ «Правда» и «Известия», 16 января 1923 года.

³⁷ «Известия», 30 января и 1 февраля 1923 года.

³⁸ «L'Humanité», 14 января 1923 года.

³⁹ «L'Humanité», 22 января 1923 года.

⁴⁰ В числе многих французских коммунистов, брошенных в тюрьму за выступления против оккупации Рура, были М. Кашен, Г. Монмуссо, Г. Пери, П. Семар. Собрания немецких коммунистов в Руре были запрещены; вошло в систему насильственное выселение коммунистов из Рурской области в неоккупированную часть Германии. Так, в феврале 1923 г. из Рура было выселено 160 коммунистов. См. «Die Rote Fahne», 22 и 28 февраля 1923 года.

⁴¹ Журнал «Красный Интернационал профсоюзов», 1923, № 2, стр. 317.

⁴² В январе 1923 г. в Германии насчитывалось 253 тыс. безработных, а в апреле — уже 420 тысяч. См. «Der Kommunistische Gewerkschaftler». Berlin. 1923, № 15, S. 161.

враждебную физиономию «своей» буржуазии. Съезд фабрично-заводских комитетов Рейнско-Вестфальской области, состоявшийся в Эссене 11 марта 1923 г., заслушав доклад В. Штёкера о борьбе на два фронта, принял манифест, в котором говорилось: «Рабочие Рурской области знают намерения Пуанкаре и Лушера. Они считают Пуанкаре и его хозяев, точно так же, как Стиннеса, Тиссена, Круппа и Клекнера, своими классовыми врагами...»⁴³. В марте—апреле 1923 г. в Руре поднялась волна стачек, направленных против оккупантов и их союзников — немецких капиталистов. Подъем стачечного движения в Руре совпал с массовым забастовочным движением в Верхней Силезии и знаменовал, как отмечал Э. Тельман, начало нового революционного подъема во всей Германии⁴⁴.

По мере роста освободительного движения в Германии усиливалась братская поддержка его со стороны международного пролетариата. По инициативе рейнско-вестфальских фабрично-заводских комитетов 17—19 марта 1923 г. во Франкфурте-на-Майне состоялась международная конференция революционных рабочих⁴⁵. Продолжая линию Эссенской конференции (январь 1923 г.), она приняла резолюцию, в которой говорилось: «Борьба против оккупации должна быть продолжена и усилена в национальном и интернациональном масштабе — особенно в Германии, Франции и Бельгии. Лозунг этой борьбы: «Вон из оккупированных областей!»⁴⁶. После конференции, весной 1923 г., французские и бельгийские коммунисты усилили политическую работу среди оккупационных войск. Для французских солдат в Рурской области коммунистами издавались газеты «Le Conscrit» и «La Caserne». Коммунистическая партия Бельгии распространяла в Руре свою газету «Le Drapeau rouge» и выпустила 100 тыс. антивоенных листовок⁴⁷.

Замечательным образцом международной революционной солидарности явилась братская помощь трудящихся СССР рурскому пролетариату. В Советской стране продолжался начатый еще в январе 1923 г. советскими профсоюзами сбор средств в фонд помощи рабочим Рура. В конце марта ВЦСПС отправил рурским рабочим 500 тыс. пудов хлеба. 29 марта пароход «Русь» доставил в Гамбург первую его партию. Прибывшая в начале апреля в Германию для передачи хлеба рурскому пролетариату советская профсоюзная делегация была восторженно встречена трудящимися Берлина⁴⁸. С огромным подъемом прошел 5 апреля митинг рабочих Гамбурга по случаю прибытия хлеба из Советской России. Принимая его, Э. Тельман от имени коммунистической партии и германских рабочих выразил глубокую благодарность трудящимся СССР за братскую помощь. Революционные рабочие Гамбурга, говорилось в принятой митингом резолюции, испытывают чувство гордости в связи с тем, что первое русское зерно прибыло в их город. Они приветствуют от имени рурских рабочих великодушную Советскую Россию⁴⁹. Участники митинга обязались обеспечить бесплатную перегрузку зерна с пароходов в железнодорожные вагоны и тут же собрали около 200 тыс. марок на оплату дальнейшей перевозки хлеба в Рур⁵⁰. Митинг трудящихся состоялся также в Бремене, куда зерно из России доставил пароход «Аркос»⁵¹. По пути

⁴³ «Die Rote Fahne», 13 марта 1923 года.

⁴⁴ См. «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет. Ч. I, стр. 245.

⁴⁵ Вопреки запрещению оккупационных властей и противодействию социал-демократических лидеров на конференцию прибыло около 250 делегатов (из Германии, Франции, СССР, Англии, Австрии, Италии, Польши, Болгарии, Голландии, Швейцарии и Индии). См. «Internationale Presse-Korrespondenz». 1923, № 52, S. 417.

⁴⁶ Там же, стр. 421.

⁴⁷ См. «Коммунистический Интернационал», 1923, № 25, стр. 7058.

⁴⁸ «Klassenkampf», 11 апреля 1923 года.

⁴⁹ См. «Труд», 22 апреля 1923 года.

⁵⁰ «Klassenkampf», 9 апреля 1923 года.

⁵¹ «Труд», 9 мая 1923 года.

следования эшелонов с хлебом в Хемнице и других городах происходили митинги трудящихся, выразивших глубокую благодарность Советскому Союзу, а также твердую решимость всеми силами поддерживать борьбу рабочих Рура. С огромным энтузиазмом встретили дар трудящихся СССР пролетарии Рура. Прибытие эшелонов с хлебом ознаменовалось массовыми митингами в Эссене, Бохуме, Дуисбурге, Дортмунде⁵³. Участники митингов были охвачены духом пролетарского интернационализма. Распределение хлеба среди трудящихся организовали фабрично-заводские комитеты, кооперативы и контрольные комиссии⁵⁴. Это способствовало росту авторитета фабзавкомов и контрольных комиссий в массах.

Братская помощь трудящихся СССР, а также Франции, Бельгии и других стран воодушевила рурский пролетариат на дальнейшее развертывание борьбы.

Провал весной 1923 г. националистических замыслов германской буржуазии усилил ее стремление к сделке с французским империализмом против трудящихся масс Германии. «Враг стоит не снаружи, нет. Он находится в стране», — цинично возвещала «Deutsche Allgemeine Zeitung»⁵⁵. В марте состоялась встреча германского министра иностранных дел Штреземана с Г. Стиннесом. Последний, оценив обстановку в Германии, подчеркнул, что «пассивное сопротивление» не должно быть самоцелью⁵⁶. В марте — апреле участились случаи саботажа «пассивного сопротивления» рурскими промышленниками, запрещавшими стачки против оккупантов. Выступая 22 апреля 1923 г. в рейхстаге, Штреземан заявил от имени «народной» и других буржуазных партий о готовности к переговорам с французским правительством⁵⁷. Вопрос о начале переговоров обсуждался 3 мая на специальном заседании фракции «народной партии» рейхстага под председательством Штреземана. В нем участвовали Феглер и Стиннес; последний передал Штреземану секретные материалы о переговорах с представителями «Комите де форж», проведенных Стиннесом в Париже⁵⁸.

В страхе перед ростом освободительного движения немецкого пролетариата буржуазия усилила в апреле — мае 1923 г. репрессии против революционных рабочих и их авангарда — коммунистической партии⁵⁹. Кровавый террор и преследования не смогли, однако, запугать рабочих и предотвратить дальнейшее усиление революционного движения. Это показали мощные первомайские демонстрации в Дортмунде, Дуисбурге, Бохуме, Гамборне и других городах, состоявшиеся вопреки запрещению оккупационных властей и попыткам германской буржуазии и реформистских вождей сорвать их. Особенно внушительной была демонстрация в Эссене, где на улицу вышло более 100 тыс. человек⁶⁰.

Перед лицом неуклонно растущего революционного национально-освободительного движения германская монополистическая буржуазия

⁵³ «Труд», 8 и 9 мая 1923 г.; «Die Rote Fahne», 21 апреля 1923 года.

⁵⁴ «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923. № 64, S. 515. «Kommunistische Gewerkschaftler», 1923. № 9, S. 43.

⁵⁵ «Deutsche Allgemeine Zeitung», 22 марта 1923 года.

⁵⁶ См. W. Görlich. Указ. соч., стр. 142.

⁵⁷ «Die Verhandlungen des deutschen Reichstags» (Stenographische Berichte. II Wahlperiode (1920)). Bd. 359, S. 10573.

⁵⁸ G. Stresemann. Vermächtnis. Bd. I. Berlin. 1928, S. 57—58.

⁵⁹ Так, в середине апреля полиция и банды буржуазной «самозащиты» учинили кровавую расправу над поденными рабочими и безработными в вотчине Стиннеса — Мюльгейме (было убито и ранено около 60 человек). Участились нападения полиции на помещения комитетов КПГ, фабрично-заводских комитетов, редакции коммунистических газет. 7 мая полиция насильственно удалила из зала заседания прусского ландтага 17 депутатов-коммунистов (в том числе В. Пика). 12 мая прусский министр внутренних дел социал-демократ Зеверинг запретил организации рабочей самообороны — «пролетарские сотни». См. «Die Rote Fahne» 20—22, 25 апреля, 8, 16 мая 1923 года.

⁶⁰ «L'Humanité» (Strassburg), 6—7 мая 1923 года.

готовила открытую национальную измену, начало которой со всей очевидностью обнаружилось во время мощной стачки рурских рабочих в мае 1923 года. Эта стачка вспыхнула на руднике «Кайзерштуль» (Дортмунд) 16 мая, когда рабочие потребовали повышения заработной платы. Вскоре забастовка охватила всю Рурскую область. Одних горняков и металлистов бастовало более 400 тыс. человек. Пламя стачки распространилось в английскую зону оккупации (Кёльн), а затем и в смежные районы неоккупированной части Германии. Стачка была возглавлена «Унионом»⁶¹ и революционными фабзавкомом. Стихийно, в обход реформистских лидеров устанавливалось единство действий рабочих. В ходе борьбы наметилось перерастание стачки из экономической в политическую и в вооруженное восстание. Пролетарские сотни, охраняя бастующих, вступали (и не без успеха) в схватки с полицией и бандами фашистов. Так, 23 мая рабочие Гельзенкирхена обезоружили полицию, овладели зданием городского полицейского управления, водрузили над ним красный флаг и обратили в бегство отряды фашистской «самозащиты»⁶². Серьезно напуганная размахом майской стачки, германская буржуазия начала кровавую расправу с рабочими. Лишь за один день, 26 мая, в Бохуме было убито 19 и ранено 107 человек. Полицейские и члены отрядов буржуазной «самозащиты» истязали арестованных рабочих. Раненых раздевали донага и хлестали плетью до потери сознания. В Руре начались бандитские налеты на руководящие органы коммунистической партии, «Униона», фабрично-заводских комитетов, на стачечные комитеты. Были произведены массовые аресты руководителей стачки и функционеров КПП.

При подавлении майской стачки германская буржуазия отбросила прочь ширму «национального единения» и перешла к открытому сотрудничеству с оккупантами. Содействуя подавлению стачки, французские оккупационные власти снабжали немецких полицейских и банды буржуазной «самозащиты» оружием, а также усилили репрессии против революционных рабочих и КПП. Германские капиталисты сами просили французских оккупантов о такого рода помощи. Позорную известность получило письмо, направленное 26 мая 1923 г. заместителем обербургмистра Дюссельдорфа Люттербеком французскому генералу Дегутту. Сообщая о широком размахе стачки в Руре и успехе рабочих Гельзенкирхена, Люттербек просил разрешения немедленно перебросить в Гельзенкирхен полицейские отряды из Дюссельдорфа, а также и впредь перебрасывать полицейские подкрепления в любой пункт Рура. Цинично напоминая об услуге, оказанной Бисмарком Тьеру в подавлении Парижской Коммуны, он писал: «В ту пору, при восстании Коммуны, германское верховное командование всячески шло навстречу французским властям с целью совместного подавления восстания. Того же самого требую теперь и я...»⁶³.

В подавлении майской стачки позорную роль сыграли реформистские вожди профсоюзов. Вскоре после начала стачки они вступили в переговоры с предпринимателями и 29 мая призвали рурских горняков удовлетвориться незначительными уступками со стороны шахтовладельцев и на-

⁶¹ «Союз работников физического и умственного труда» — профсоюз, находившийся под влиянием коммунистов и опиравшийся главным образом на революционно настроенных горняков Рура.

⁶² Не имея должного руководства, рабочие Гельзенкирхена не смогли, однако, закрепить и развить свой успех. См. «Правда» и «Известия», 27 мая 1923 г.; «Die Rote Fahne», 18—30 мая 1923 г.; «L'Humanité» (Strassburg), 25—29 мая 1923 года.

⁶³ Цит. по «Die Rote Fahne», 27 мая 1923 года. Показательно, что именно после майской стачки в Руре германская буржуазная пресса заговорила об ослаблении «пассивного сопротивления». Так, «Frankfurter Zeitung» предлагала заменить «упорное сопротивление» французским оккупантам «эластичным сопротивлением». См. «Frankfurter Zeitung», 8 июня 1923 года.

чать с 30 мая работу⁶⁴. Подавлению стачки способствовала и ликвидаторская тактика брандлеровцев, поддержавших решение реформистских вождей о прекращении стачки⁶⁵. Капитулянтский характер решения брандлеровцев усугублялся тем, что оно было принято в момент, когда стачка расширялась и готова была перекинуться на территорию неоккупированной части Германии. Волна забастовок и демонстраций против дороговизны, за повышение заработной платы прокатилась в начале июня в Верхней Силезии, Берлине, Бремене, Киле, Гамбурге, Лейпциге, Дрездене, Иене, Готе, Франкфурте-на-Майне, Людвигсгафене и других городах. Рабочие неоккупированных районов Германии, поддерживая пролетариев Рура, требовали прекратить расправу над последними. На массовых митингах в Берлине 3 июня 1923 г. с речами выступали В. Пик, Ф. Геккерт, В. Штёкер. Митинги прошли под лозунгом «Руки прочь от рабочих Рура!». Подъем стачечного движения в Германии в конце мая — начале июня знаменовал расширение пролетарского движения в Рура до общегерманских масштабов.

После подавления майской стачки двойной гнет в Рура усилился, а положение трудящихся всей Германии еще более ухудшилось. В июне в Германии началась новая инфляционная волна; реальная заработная плата падала с катастрофической быстротой⁶⁶. В связи с общим развалом экономики Германии увеличилась безработица⁶⁷. Французские захватчики занимали войсками рудники и заводы Рура и насаждали там свою администрацию. Специальным приказом были введены строгие наказания за «пассивное и активное сопротивление» оккупационным властям⁶⁸. Острые репрессий было направлено против рабочих, отказывавшихся работать под угрозой штыков. Участились аресты, избияния и выселения рабочих в неоккупированную часть Германии. Усилились репрессии оккупационных властей против коммунистической партии. К середине августа все коммунистические газеты Рурской области были запрещены, а редакторы многих из них арестованы. Собрания коммунистов и комсомольцев запрещались и разгонялись французскими властями и немецкой полицией, действовавшими совместно. Участились случаи увольнения коммунистов с предприятий⁶⁹.

Кратковременный спад стачечной волны, последовавший за подавлением майской стачки в Рура, сменился в июле новым подъемом. Стачки были направлены против рурских магнатов и оккупантов. В июле вопреки запрещению предпринимателей крупные забастовки против занятия предприятий французскими оккупантами состоялись на металлургическом заводе Тиссена в Гамборне, на предприятиях Бохума, Мюльгейма, Дюссельдорфа и т. д. В августе стачечное движение еще более усилилось. 1 августа рабочие металлургического завода «Гуте-Хофнунгс-Хютте» в Оберхаузене организовали шествие к ратуше, требуя прибавки к заработной плате и отмены штрафов, наложенных дирекцией завода на 150 рабочих. По приказу городских властей полиция стреляла в демонстрантов, убив и ранив 20 человек. Протестуя против этого кровавого на-

⁶⁴ «Die Rote Fahne», 29—30 мая 1923 г.; «Bergarbeiter Zeitung», 2 июня 1923 года.

⁶⁵ Прекращения стачки, как отмечает В. Ульбрихт, требовали и «левые» оппортунисты, в частности Рут Фишер. См. «Вопросы истории». 1954, № 5, стр. 70.

⁶⁶ См. «Der Kommunistische Gewerkschaftler», 1923, № 19, S. 210.

⁶⁷ В одной лишь Рейнско-Вестфальской области к началу сентября 1923 г. насчитывалось более 200 тыс. безработных. См. «Ruhrbesetzung und Weltwirtschaft». Hrsg. von E. Schultze. Leipzig. 1927, S. 17.

⁶⁸ «Die Verhandlungen des deutschen Reichstags». Bd. 379 (Anlagen), № 6126, S. 124—125.

⁶⁹ См. «Die Rote Fahne», 15, 17, 22 августа 1923 г.; «Neue Spartakusbriefe», 1923, № 3; «Klassenkampf», 28 сентября 1923 года.

силы, рабочие объявили стачку. Она была поддержана рабочими металлургических заводов Дортмунда, Гельзенкирхена, Руурта. В течение 2—4 августа забастовка охватила рудники и заводы Эссена, Бохума, Гладбека, Ротхаузена, Гамборна, Реклингхаузена. В ней участвовало 200 тыс. горняков и металлистов. Уступая майской стачке по числу участников, августовская стачка 1923 г. в Руре значительно превосходила ее своей политической заостренностью. Наряду с экономическими требованиями (установление довоенного уровня реальной заработной платы, единовременная прибавка к заработной плате на дороговизну в 5—10 млн. марок и т. д.) выдвигались и решительные политические требования: роспуск рейхстага, отставка правительства Куно и образование рабочего правительства. Августовская стачка в Руре сопровождалась мощными демонстрациями трудящихся против нужды и дороговизны, против антинародной политики правительства. Состоявшийся под руководством коммунистической партии 11 августа 1923 г. съезд рейнско-вестфальских фабрично-заводских комитетов потребовал отставки правительства Куно и образования рабочего правительства⁷⁰.

Августовская стачка в Руре знаменовала начало нового подъема стачечной волны во всей Германии. Мощные забастовки вспыхнули в Саксонии, Тюрингии, Верхней Силезии, в Гамбурге, Любеке. Но окончательный удар нанесла правительству Куно всеобщая стачка в Берлине, начавшаяся 11 августа 1923 года. Опасаясь ее перерастания в вооруженное восстание, германская буржуазия «пожертвовала» правительством Куно. С помощью социал-демократических лидеров ей удалось локализовать и подавить августовскую всеобщую стачку в Берлине.

Новое буржуазное правительство «широкой коалиции» во главе со Штреземаном и с участием социал-демократов повело еще более жестокое наступление на трудящихся. В середине августа рурские шахтовладельцы организовали массовый локаут, лишив куса хлеба более 200 тыс. рабочих. По призыву конференции фабрично-заводских комитетов Рурской области, состоявшейся 21 августа в Эссене, рурские горняки и металлисты ответили на локаут «забастовками скрещенных рук». Прекращая работу, рабочие не покидали предприятий, а брали их под свой контроль. На ряде рудников горняки прогнали директоров и старший технический персонал. Над рудником «Хагенбек» (близ Эссена) был водружен красный флаг⁷¹.

Осенью 1923 г., чтобы предотвратить дальнейшее развертывание революционного движения, германская буржуазия форсировала сговор с французским империализмом и ликвидацию рурского конфликта. Во многом способствовали тому империалисты Англии и США, страшившиеся революции в Германии. Газета «The New York Times» отмечала еще в июле 1923 г., что обстановка в Германии чревата революцией. Штреземан в записной книжке так сформулировал принятое им решение: «Кончать («пассивное сопротивление». — Н. Ф.) надо до наступления зимних холодов. Это обстоятельство — основа внешней политики. Установить связь с французами и бельгийскими представителями»⁷². Одобрив намерение правительства отменить «пассивное сопротивление», газета рейнско-вестфальских банкиров и промышленников «Frankfurter Zeitung» писала, что лучше капитулировать перед французами, чем «потерять все»⁷³.

Активная роль в отмене «пассивного сопротивления» принадлежала группе сепаратистов, опиравшихся на представителей финансового капитала. По поручению рейнско-вестфальских торгово-промышленных кругов крупный банкир Луи Хаген прибыл в Берлин, чтобы потребовать у прави-

⁷⁰ «Die Rote Fahne», 12 августа 1923 года.

⁷¹ См. «Neue Spartakusbriefer», 1923, № 3; «L'Humanité» (Strassburg), 1 сентября 1923 года.

⁷² G. Stresemann. Vermächtnis. Bd. I, S. 116—117.

⁷³ «Frankfurter Zeitung», 24 сентября 1923 года.

тельства скорейшего прекращения «пассивного сопротивления». Первое совещание по этому вопросу с министрами состоялось 4 сентября, а 6 сентября на более узком совещании было принято решение о скорейшем прекращении «пассивного сопротивления»⁷⁴. Английская и американская дипломатия содействовала отмене «пассивного сопротивления», рассматривая это как важный шаг к ликвидации рурского конфликта и подавлению революционного движения в Германии.

Отменив 23 сентября 1923 г. «пассивное сопротивление», правительство Штреземана лицемерно призвало население Рура «...возобновить работу для отечества»⁷⁵, а фактически — для рурских магнатов и оккупантов. Социал-демократическое руководство организовало собрания рабочих, на которых «разъясняло», что отмена «пассивного сопротивления»-де не противоречит интересам рабочих и лишь ускорит франко-германское соглашение по рурскому вопросу. Ряд таких собраний, в частности, провел Зеверинг⁷⁶. Вожди реформистского союза горнорабочих начали переговоры с французскими оккупационными властями о возобновлении добычи угля на всех шахтах Рура.

Отмена «пассивного сопротивления» была очередным антинациональным актом германской буржуазии, означавшим, как отмечает В. Ульбрихт, объединение германской и французской буржуазии против революционизировавшихся трудящихся масс⁷⁷. Отмена «пассивного сопротивления» сопровождалась введением осадного положения в Германии и передачей исполнительной власти злейшему контрреволюционеру, генералу Секту. Угрожая депутатам-коммунистам, Штреземан цинично заявил в рейхстаге, что правительство со всей силой применит свою «легальную диктатуру»⁷⁸. Еще более усилились полицейские репрессии и фашистский террор против рабочих, особенно против коммунистов.

Коммунистическая партия до конца разоблачила антипатриотический характер отмены «пассивного сопротивления». «Пассивное сопротивление прекращено потому, — писал В. Штёкер в нелегально выходившей газете «Klassenkampf», — что германская буржуазия ставит интересы наживы выше интересов немецкого народа, интересов немецкой нации»⁷⁹. Выступая 27 сентября в рейхстаге, В. Штёкер решительно протестовал от имени рейнско-вестфальских рабочих против отмены «пассивного сопротивления»⁸⁰. С протестом выступила также фракция коммунистической партии в рейхстаге⁸¹. 28 сентября по призыву компартии в Руре состоялась 24-часовая забастовка протеста против отмены «пассивного сопротивления». Она вылилась в мощную манифестацию против антинациональной политики правительства Штреземана. Рабочие требовали его отставки и образования рабочего правительства⁸².

Революционное движение трудящихся Германии, как и прежде, продолжало получать поддержку международного пролетариата. 26 сентября в Бремен прибыл пароход «Профсоюз» с очередным грузом хлеба из СССР для рабочих Рура⁸³. Во Франции в конце сентября был образован «Комитет действия» из представителей коммунистической партии и профсоюзов с целью подготовки всеобщей стачки для поддержки назревавшей в Германии революции⁸⁴. Коммунистическая партия Англии

⁷⁴ W. K a m p f e r. Die Rheinlandkrise des Herbstes 1923. Frankfurt/M. 1925. S. 36—37.

⁷⁵ «Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten 1849-1926». Berlin. 1927, S. 816.

⁷⁶ C. Severing. Mein Lebensweg. Bd. I. Köln. 1950, S. 437.

⁷⁷ W. Ulbricht. Указ. соч. Т. I, стр. 126.

⁷⁸ «Verhandlungen des deutschen Reichstags». Bd. 361, S. 11943.

⁷⁹ «Klassenkampf», 26 сентября 1923 года.

⁸⁰ «Verhandlungen des deutschen Reichstags». Bd. 361, S. 11902.

⁸¹ Там же, стр. 11917.

⁸² См. «Труд», 29 сентября 1923 г.; «Klassenkampf», 28 сентября 1923 г.; «Der Rote Kämpfer», 28—29 сентября 1923 года.

⁸³ «Arbeiterfaust», 27 сентября 1923 года.

⁸⁴ «Klassenkampf», 3 октября 1923 года.

издала 27 сентября манифест «Руки прочь от германских рабочих!», требуя вывода из Германии английских оккупационных войск. Коммунистическая партия призывала рабочих Англии к немедленной стачке «в случае, если объединенные капиталисты прольют хотя бы каплю крови немецкого рабочего класса»⁸⁵.

Осенью 1923 г. в обстановке чудовищной инфляции и дороговизны положение трудящихся Германии (особенно Рура) продолжало резко ухудшаться, стремительно падала заработная плата. Совещание рурских промышленников в г. Унна 30 сентября вынесло решение значительно увеличить рабочий день горняков. 5 октября так называемая «комиссия шести», в которую вошли крупнейшие магнаты Рура, в том числе Стиннес, Клекнер, Феглер, вступила в прямые переговоры с «Микум», прося у французских оккупантов поддержки для дальнейшего натиска на жизненный уровень рабочих⁸⁶. Взамен такой поддержки «комиссия шести» соглашалась обсудить вопрос о возобновлении репарационных поставок во Францию и Бельгию. Штреземан одобрил переговоры рурских монополистов с оккупационными властями и обещал со своей стороны «в законодательном порядке» решить вопрос об увеличении рабочего дня⁸⁷.

Углубившаяся после отмены «пассивного сопротивления» национальная измена германской буржуазии проявилась не только в начавшихся переговорах с «Микум», но и в активизации сепаратистских происков рейнско-вестфальской буржуазии. В страхе перед ростом революционного движения и в поисках поддержки извне для его подавления германская монополистическая буржуазия была готова расчленить Германию и передать Рейнско-Вестфальскую промышленную область под протекторат французского империализма.

Коммунистическая партия, находясь в авангарде борьбы за единство и национальную независимость Германии, решительно выступила против сепаратистов. «Коммунистическая партия Германии, — говорилось в обращении фракции КПГ в прусском ландтаге в начале июля 1923 г., — заявляет, что она борется против любых попыток отторжения Рейнской области, независимо от того, в какой форме оно замышляется»⁸⁸. Под руководством КПГ пролетариат Рура сорвал 30 сентября в Дюссельдорфе вооруженный путч сепаратистской шайки платных французских агентов Дортена и Сметса, пытавшейся провозгласить «Независимую Рейнскую республику» под протекторатом французского империализма. В столкновениях, спровоцированных сепаратистами, рурский пролетариат показал образцы героизма и самоотверженности, разгромил хорошо вооруженные сепаратистские банды и заставил их бежать под защиту оккупационных властей⁸⁹. По призыву коммунистической партии 1 октября в различных частях Рура прошли массовые забастовки протеста против сепаратистских авантюр. В одном Эссене бастовало 50 тыс. рабочих. Рабочие Рейнско-Вестфальской области под руководством КПГ сорвали в октябре 1923 г. попытку сепаратистских мятежей также в Аахене, Дуйсбурге, Крефельде, Майнце, Бонне, Кобленце, Мюнхен-Гладбахе и других городах. Возглавляя борьбу за единство и национальную неза-

⁸⁵ «Civil war in Germany. German workers ask your help». London. 1923, p. 3.

⁸⁶ Объявив о намерении шахтовладельцев увеличить рабочий день, Клекнер с двинчивой откровенностью сказал Дегутту: «Индустрия не смогла бы, однако, осуществить свои намерения без поддержки оккупационных властей, и это одна из причин нашего визита». См. G. Stresemann. Указ. соч. Т. I, стр. 159—160.

⁸⁷ G. Stresemann. Указ. соч. Т. I, стр. 163—164. Требуется дальнейшего изучения высказанное А. Норденом замечание, что, начав переговоры с «Микум», рурские магнаты игнорировали берлинское правительство и действовали против его воли (см. А. Норден. Уроки германской истории, стр. 73). Можно полагать, что рурские магнаты и правительство Штреземана были, конечно, заодно в начавшихся переговорах с «Микум».

⁸⁸ «Die Rote Fahne», 3 июля 1923 года.

⁸⁹ «Klassenkampf», 1 октября 1923 года.

висимость Германии, коммунистическая партия мобилизовывала широкие массы трудящихся на отпор рейнским сепаратистам. В обращении объединенного пленума трех окружных комитетов КПГ Рейнско-Вестфальской области, состоявшегося в ноябре 1923 г., говорилось: «Там, где вершат свои темные дела путчисты, единодушным ответом со стороны всех рабочих, служащих и чиновников должно быть немедленное объявление всеобщей стачки. Отпор следует дать всеми средствами, дабы подавить сепаратистское движение. Да здравствует борьба за единую пролетарскую Германию!»⁹⁰.

Отмена «пассивного сопротивления», начало переговоров рурских магнатов с «Микум» и усилившиеся осенью 1923 г. происки рейнских сепаратистов до конца обнажили национальную измену буржуазии, резко ослабили ее политически и способствовали быстрому созреванию революционного кризиса в стране.

Ход событий поставил осенью 1923 г. перед рабочим классом Германии и его авангардом — коммунистической партией — задачу взятия власти для осуществления социального и национального освобождения широких трудящихся масс. Но КПГ оказалась в тот момент еще недостаточной сильной, чтобы решить эту задачу. Она не успела еще к тому времени окончательно освободиться от социал-демократических традиций и привлечь на свою сторону широкие трудящиеся массы города и деревни. Слабость КПГ усугублялась в 1923 г. тем, что к руководству ЦК партии пробрались оппортунисты Брандлер и Тальгеймер. Игнорируя и срывая выступления масс в таких важнейших революционных очагах, как Рурская область, Берлин, Гамбург, Верхняя Силезия, они занялись парламентскими комбинациями в Саксонии и Тюрингии. Брандлер предательски мешал, как отмечает В. Ульбрихт, вооружению рурских рабочих⁹¹.

Используя слабость коммунистической партии и опираясь на поддержку правых социал-демократических вождей, германская буржуазия разогнала в октябре 1923 г. «рабочие правительства» в Саксонии и Тюрингии, подавила героническое восстание гамбургского пролетариата и перешла к удушению революционного национально-освободительного движения во всей стране. Она обратилась при этом к прямой помощи международной империалистической реакции, прежде всего к французскому империализму. Именно в связи с этим в октябре — ноябре рурские магнаты форсировали сделку с «Микум».

Договор с «Микум» был подписан «комиссией шести» 23 ноября 1923 года. Он означал новый антинациональный акт германской буржуазии. Подписание договора сопровождалось увеличением рабочего дня в горной промышленности, массовыми увольнениями рабочих. 22 ноября 1923 г. генерал Сект издал приказ о запрещении в Германии коммунистической партии и ее печати. Немецкая полиция выдавала на расправу французским оккупационным властям выступавших против оккупации Раура рабочих, в первую очередь коммунистов. Сотни немецких патриотов, коммунистов и комсомольцев, попали в руки оккупантов и были подвергнуты истязаниям и пыткам⁹².

Поздней осенью 1923 г. активизировала свою деятельность группа так называемых «легальных сепаратистов». «Легальные сепаратисты» преследовали в конечном счете те же самые цели, что и «сепаратисты улицы» (как именовали шайку Дортена — Сметса). Но, хорошо зная враж-

⁹⁰ «Бюллетень Коминтерна о положении в Германии», № 8, 19 ноября 1923 г., стр. 15—16.

⁹¹ См. W Ulbricht. Указ. соч. Т. I, стр. 136.

⁹² См. «Der Mainzer Antimilitaristen Prozess». Hrsg. von der KPD. Berlin. 1924, S. 9—10, 33.

дебное отношение масс к идее «Независимой Рейнской республики», сепаратисты тщательно маскировали свои намерения и выдавали себя за противников «сепаратистов улицы». 24—25 октября в Бармене состоялось совещание «легальных сепаратистов». Участники совещания, одобряя отделение Рейнско-Вестфальской области от Германии, настаивали на завязывании прямых переговоров с французами об условиях этого отделения⁹³. «Легальными сепаратистами» 9 ноября 1923 г. был создан узкий комитет для переговоров с французскими оккупационными властями⁹⁴.

23 ноября, в день подписания «микум-договора», к Тирару, верховному комиссару Франции в Рейнской области, явилась делегация «легальных сепаратистов», но переговоры не увенчались успехом. Тирар отклонил предложение о создании особой директории для оккупированных областей⁹⁵. Непосредственное соглашение с рурскими магнатами было в тот момент более выгодно французским империалистам, чем соглашение с сепаратистами, потому что оно обеспечивало немедленные поставки угля и кокса во Францию, а также потому, что сделка с сепаратистами угрожала новой, еще более могучей вспышкой национально-освободительного движения во всей Рейнско-Вестфальской области. Не отказавшись от аннексии Рейнско-Вестфальской области, французские империалисты продолжали и после подписания «микум-договора» поддерживать контакт с «легальными сепаратистами», отдавая им предпочтение перед «сепаратистами улицы»⁹⁶.

События «рурской войны» показали, что наиболее последовательной силой, до конца преданной интересам немецкой нации, был рабочий класс и его авангард — коммунистическая партия, возглавившие борьбу за единство и национальную независимость Германии, что в этой борьбе германский пролетариат получил братскую поддержку трудящихся СССР и других стран.

Уроки рурских событий 1923 г. учат, что коренные национальные интересы германского народа требуют обеспечения государственного единства, независимости и суверенитета страны. Достигнуть этого можно лишь соединенными усилиями всего германского народа.

⁹³ См. W. Камрет. Указ. соч., стр. 78—80.

⁹⁴ J. Реск. Указ. соч., стр. 67.

⁹⁵ Там же, стр. 67—68.

⁹⁶ См. J. A. Dorben. La Tragedie Rhenane. Paris. 1947, p. 189.